

ПРОБЛЕМЫ БИОЭТИКИ

DOI: 10.17805/zpu.2022.4.13

Технологическая колонизация интимности: от любви к технологиям — к биомедицинским технологиям против любви

О. В. Попова

Институт философии РАН

В статье рассмотрен процесс трансформации эмоциональной сферы человека и гендерных отношений в контексте развития цифровых и биомедицинских технологий. Показано, что современный поворот к «цифровой интимности» реализует картезианский проект человека-машины, воспринятый и усиленный в эпоху Просвещения. Он также фиксирует процесс крайнего отчуждения и дистанцирования от телесности, гротескно сближая героев виртуальной реальности с образами «бестелесных» лирических героев, что демонстрирует вступление в посттелесную эпоху.

Гипотезой исследования послужило утверждение, что цифровая реальность, являя собой разновидность эскапизма, представляет собой технологию против любви (anti-love technology), позволяющую субъекту избежать разрушительных последствий любви и различных форм, представляющих для него сложность гендерных отношений. Показано, что данная технология имеет свой коррелят в сфере биомедицины, где технологии против любви (anti-love technology) востребованы отклоняющимися от нормы проявлениями чувств, вызывающих патологическую любовную зависимость, позволяя осуществлять модуляцию любовных отношений.

Распространение влияния медиализации и цифровизации на интимную сферу человека вызывает постепенное преобразование сферы чувств в конструируемый объект с заданными свойствами.

Ключевые слова: трансформация интимности; цифровая интимность; интимные технологии; сексуальность; любовь; телесность человека

ВВЕДЕНИЕ

Оценки влияния цифровизации на сферу человеческих чувств и любовных отношений диаметрально противоположны. С одной стороны, очевидны претензии к появлению редуцированных, технологически упрощенных видов любви, с тенденцией вытеснения ее романтических форм суррогатными цифровыми. Диапазон последних неуклонно расширяется, включая и формирование отношений с гуманоподобными роботами, и развитие любви-зависимости к персонажам компьютерных игр, голограммам и т. д.

С другой стороны, цифровая реальность рассматривается как источник новых возможностей для выстраивания нелинейного социального мира с неиерархичны-

ми отношениями, где могут реализовать свои потребности уязвимые группы населения. Речь идет о мире, который сложно контролировать и которому непросто придать выгодное заинтересованным лицам направление развития. В этом контексте цифровая революция оценивается как феномен, способствующий упадку гегемонистских властных притязаний (Plant, 1997).

Цифровое пространство амбивалентно в своих возможностях. Оно наполнено противоречивыми целями и интересами различных вовлеченных лиц и в целом хаотическими попытками их урегулировать. Реализующиеся в сети гуманистические послы отражают сформировавшийся в последние годы тренд по формированию экономики дарения в эмоциональной сфере, с такими составляющими, как форумы по обсуждению межличностных психологических проблем, подкасты специалистов и развитие системы ютуб-каналов, где могут рассматриваться биографические нарративы о неразделенной любви, даваться рецепты личного счастья и т. д. Информирование и психологическая поддержка, обмен опытом являются примерами реализации цифрового дара, характерными чертами трансляции знания в сети, где экспертная оценка дополняется мнением профана, «человека с улицы», оказываясь при этом не менее релевантной. В сети свидетельствуют о разном опыте любви, разных способах ее представленности в языковой реальности. При этом далеко не все из них являются пристойными.

В то же время цифровая среда в определенном смысле предстает компенсационным механизмом для людей, по каким-либо причинам (например, в связи с наличием тяжелого заболевания или определенных проблем психологического характера) не имеющих возможности построить отношения в реальном мире. Сетевое пространство в таком случае дает возможность начать собственную историю любви и гендерных отношений в виртуальном мире, невзирая на возникающий перед нею в реальном мире психологический страх.

В целом киберсреда формирует запрос на экспериментирование с собственным гендером, причем результаты эксперимента могут затронуть не только виртуальную гендерную идентичность, но и гендерную идентичность в реальном мире (Turkle, 1995).

ТЕЛО. ЦИФРА. ЭСКАПИЗМ

Характер цифровой экспансии в интимную сферу человека обусловлен не только особыми свойствами процесса цифровизации, его глобальным масштабом, но во многом связан с психологическими чертами самого человека, с особым модусом функционирования его сознания и тела. Условно назовем его эскапизмом. При этом важно различать как минимум две его разновидности: телесный и цифровой.

Телесный эскапизм характеризует особое отношение человека и мира, обусловленное специфической особенностью существования телесности. Человеческая телесность и открывает человеку мир, и открывает человека миру. В той же степени телесность есть то, что позволяет избежать мира, скрыться от него, погрузившись в аналог анонимного существования (погрузившись, к примеру, в сон или медитативные практики). Такое состояние, однако, всегда отлично от простого опредмечивания, от существования в качестве вещи. Здесь человеческая телесность проявляет свойство защитного панциря, позволяющего уйти от сложностей мира, избавиться от экзистенциального беспокойства.

В цифровом мире человек также реализует модус цифрового эскапизма, представляющий собой новую стадию ухода от мира. Ухода не в тело, а от тела. При этом речь идет о качественном отличии этого движения от мира. Здесь человек не обращается (и возвращается) к телу как онтологической структуре безопасности, но делает ставку на его элиминацию, как бы фиксируя его малозначимость и принципиальную непригодность для решения фундаментальных угроз мира и своих частных проблем. XXI век характеризуется вступлением в «посттелесную», «постгуманистическую» эпоху (Hayles, 1999: 192) с характерной для нее тенденцией цифрового эскапизма. Последний кардинально меняет телесноориентированный проект культуры на цифроориентированный. Цифровая среда становится территорией игры воображения. В ней запущен сложный процесс формирования разноформатных отношений, которые выходят за пределы гейминга и системы воображаемых миров и требуют легализации в этом реальном мире.

Участившиеся казусы браков с роботами, голограммами, компьютерными программами свидетельствуют о том, как цифровой мир подстраивается под желания субъекта. Возникает прецедент цифрового конструирования телесности и вторжения цифровых технологий в сферу, которая изначально была сугубо человеческой, скрытой, интимной, сферу чувственности, любви и сексуальности.

Цифровая цивилизация ставит под вопрос телесность тела, в определенном смысле делая ее излишней. И «растворение» в теле, и растворение в «цифре» — противоположные модальности человеческой экзистенции и разные формы человеческого эскапизма — связаны с общей человеческой потребностью в обретении психологической устойчивости. В данном контексте цифровая реальность, являя собой разновидность эскапизма, может быть рассмотрена как технология против любви (anti-love technology), позволяющая субъекту избежать разрушительных ее последствий и различных форм, а также представляющих для него сложность гендерных отношений. Цифровое тело представляет собой аналог анонимного существования, откликаясь на глубинную потребность субъекта быть признанным Другим.

ТЕЛО ЛИРИЧЕСКОЕ И ТЕЛО ПЕРВЕРСИВНОЕ: ОТ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ К ЦИФРОВОЙ ГЕНЕРАЦИИ НАСЛАЖДЕНИЯ

В неразрывном переплетении цифрового и естественного мы сталкиваемся со сложными перипетиями концептуализации человеческой телесности. Тело сентиментальное, лирическое, противостоит перверсивным проявлениям телесности. Появление на горизонте цифровых интимных тел вызывает новый импульс к проблематизации человеческой телесности.

Ж. Лакан указывал на существование чистой способности желания, за которой скрывается потребность быть признанным Другим (Лакан, 2006). В этике признания и желания Другого, в процессе завоевания его внимания мы поднимаем конкретный объект или случайную ситуацию до уровня возвышающей его существование этической вещи. В этом процессе осуществляется сублимация желания, его отсрочка и отрыв от единственной цели — получения удовольствия. Желание помещается в культурные рамки, в границы приемлемого этоса, обеспечивающего возможность его реализации.

Для Ж. Лакана данный этос особым образом связан с возведением препятствия на пути желания, созданием вокруг Желания Запрета. Последний стимулирует оп-

ределенное отношение действия к желанию, направленного не на удовлетворение потребности, а на Другого, чтобы «вместо возвышенной Вещи» перед нами не возник «похабный, пошлый блуд» (Жижек: Электронный ресурс).

Лирическое, сентиментальное тело героя формируется в контексте соотносительности с существованием Другого. Далеко не всегда эта соотносительность предполагает слияние. Здесь не всегда важно половое соединение. Романтическая любовь подразумевает определенное дистанцирование от объекта любви. Она может довольствоваться самой возможностью соединения с возлюбленным, давая возможность ощущения целостности (Апресян, 2005: 214). Она может особым образом конструировать объект любви, придавая ему возвышенные идеальные качества.

Интенсивное развитие цифровых технологий породило новые формы проблематизации феноменов интимности и сексуальности. Широкое определение сексуальности, рассмотренной в ее широком смысле, отнюдь не сводится к физиологическому акту. Она подвержена расколу, связанному с ориентацией на репродукцию и на *ars erotica* (Гидденс, 2004) и подразумевает чрезвычайно широкий смысл коннотаций. С технологическим переопределением любви также не все так просто.

Новым формам интимности могут быть присущи характеристики, являющиеся определяющими для романтической любви. Такие признаки не являются исключительно антропологическими. Они техноцентричны. Цифровое тело, как и тело лирическое, также не материально, находится в особом нормативном поле, окружено физически запретами, обусловленными дистанцией, которую требуют технические устройства. Подобно лирической любви оно усиливается действием силы воображения. Приведу в этой связи содержательный комментарий И. С. Кона, данный в интервью о развитии сексуальности в технологическую эпоху: «Тут происходит выдвигание на первый план момента воображения. Материального ничего не происходит. Но и в традиционном сексе значительная часть — это и есть воображение: любим мы сначала образ, а потом реального человека, который с этим образом находится в состоянии весьма частичного совпадения. И в этом смысле виртуальный секс — это бесконечное расширение этой возможности» (Кон: Электронный ресурс).

Цифровизация интимных отношений подтверждает этот тезис яркими примерами. Акихико из Японии, решивший связать свою жизнь с голограммой известной героини аниме Мику, отмечает, что в течение 10 лет разговаривал с нею мысленно. С развитием технологий у него появилась возможность вести с нею простые разговоры. По поводу всего остального он просто запускает свое воображение (Счастливы брак с куклой: Электронный ресурс).

Преобразование объекта любви с помощью воображения характерно как для лирической манифестации любви, так и для перверсивных ее проявлений. Рассмотрим последний аспект более подробно. Воображение может стать катализатором перверсии по аналогии с тем, как это происходило в телесном универсуме де Сада.

Цифровая реальность осуществляет формирование виртуального аналога универсума де Сада. Вспомним о том, что воздержание либертена, аскеза и бесчувственность, на которую он ориентировался в своем гедонистическом образе жизни (Сад, 1992; Энафф, 2005), были подчинены принципу минимизации удовольствия¹.

Искусственно созданная замкнутость, использующаяся для генерации наслаждения, сопоставима с «аскетичным» цифровым универсумом современности, где экраны гаджетов и компьютеров являются способами дистанцирования от тела, сформированными защитными барьерами, которые дают возможность абстрагироваться от плоти.

При этом сам акт цифрового ограждения вокруг тела, закрытия от него вызывает по отношению к нему еще больший интерес, делая его одновременно контролируемым объектом с целью реализации своих сексуальных фантазий.

Здесь упомянутое выше сходство цифровых интимных тел с телами лирическими, как правило, разбивается интенциональностью авторов цифровой среды. Им могут быть совершенно не интересны романтизированные образы цифровых голограмм или виртуальных героинь компьютерных игр. Речь идет о технологическом расширении и усилении сексуального опыта с помощью различных приспособлений и программ, секс-гаджетов с дополненной реальностью, мобильных приложений и интимных фитнес-трекеров, развитии теледильдоники и других инноваций секстеха.

Обращаясь к метафоре коллективного тела де Сада, следует отметить, что телесность садовского субъекта «ризоматична». Групповое тело де Сада представляет собой множество органов, раздражение множества нервов, распределение интенсивности желания. Это тело с высвобожденной сексуальностью, сфокусированной исключительно на удовольствии и вынесенной за пределы не только программы репродуктивного поведения, но и в целом естественной физиологии тела.

Такая модель сексуальности с успехом вписалась в современную эпоху. Более того, она принимает все более глобальный характер. Это дало повод французскому философу М. Энаффу подметить: «Мы оказались внутри исправного функционирования и эффективности садовского тела: от рынка секса до уничтожения тел в концентрационных лагерях модальности наслаждения и страдания приняли с какого-то момента вместо своих обычных форм пароксизмальные формы садовского универсума» (Энафф, 2005: 435).

С распространением цифровизации садовский универсум реализуется, закрепляясь на цифровых платформах. Здесь он лишается своей замкнутости в локальных материальных пространствах, обретая черты всеобщей доступности, всепроникаемости и вездесущести.

Цифровой мир не просто отражает существующее пространство реальных перверсивных человеческих отношений, но конструирует их новые модификации, делая любую перверсию возможной и открытой в пространстве цифрового воображения.

Отношения полов отныне выступают конструктом программируемой реальности, осуществляясь в широчайшем диапазоне, затрагивая всевозможные формы отношений, различные возрастные группы и разделенные по гендерному признаку сообщества. Цифровой дизайн отношений включает в себя и имитацию в подростковом гейминге модели романтической любви, и таргетированную рекламу гипертрофированно сексуализованных образов.

ЛЮБОВЬ И РОБОТЫ

Рыночная эксплуатация тел в цифровом пространстве воспроизводит сложившиеся порядки их эксплуатации в реальном мире. Тела эксплуатируются как ве-

щи. Как аксессуары они замещаются на новые или уходят в бездонную цифровую память.

Интимно-технологическое переопределение любви характеризуется рядом тенденций, которые, с одной стороны, близки характеристикам, присущим сексуальной революции начала XX в., с другой — имеют значительное отличие. Здесь осуществляется эмансипация сексуальности, отделение ее от репродукции и замещение человеческих отношений отношениями с технологическими артефактами.

Одним из них становится робот — интимный партнер, эмансипированный по всем законам садовского универсума. Робот представляет собой пародию на либертена и на жертву одновременно. Являясь механистическим квазисубъектом, чье функционирование связано с генерацией наслаждения, он в соответствии с заданной программой определяет способы получения удовольствия.

В то же время робот представляет собой модель эксплуатируемой заказчиком жертвы. В этой диалектике раба и господина происходит процесс отчуждения человека от привычных форм чувственности. Стремясь сделать роботов партнерами человека, их проектируют с целью обеспечить функциональным эквивалентом чувств (Больц, 2011: 93). На это направлены разработки в сфере аниматроники, позволяющие роботам имитировать детализированные движения людей, их мимику. Секс-роботы размещены в серой зоне этики. Способные реализовать любые сексуальные перверсии (достаточно упомянуть про появление борделей с роботами и расширение рынка персональных кукол-ботов), они конкурируют с роботами, способными имитировать человеческое тепло и нежность, устранить дефицит общения уязвимым группам людей (с аутизмом, различными формами инвалидности, имеющими сложности в коммуникации).

Такая нежность легко контролируется, зачастую становясь «повседневной заботой тех, кому больше не о ком заботиться» (там же), поэтому «робот-собака, уже построенный “Сони”, имеет перед реальной собакой то бесценное преимущество, что его потребность в уходе можно просчитать заранее» (там же).

Роботофилию можно расценивать как новый вид (псевдо)гуманизма в условиях, когда человек, столкнувшись с многообразием Другого, начинает тяготиться его присутствием, его обременительной сложностью. Робот — это редуцированный человек, удобный для реализации определенных потребностей. Реинкарнация гуманизма в форме техногуманизма трансформирует формы ответственности. Люди, гуляющие с собаками-роботами и качающие электронных детей, включают и выключают свои человеческие качества по инструкции разработчика, «заводят» свое моральное чувство, ориентируясь на программное обеспечение.

Гуманоподобные роботы представляют идеал пассивной жертвы: они лишены голоса, не имея возможности возразить против любых проявлений активности, выполняя всевозможные прихоти своего хозяина. В этом проявляется обезличивающий характер садовской машины наслаждения (см.: Энафф, 2005), где исчезает персона, но конституируется техническое, машинное.

Серийный номер роботов, вписывающий их в общее групповое технологическое тело, их молчание и заложенная разработчиками имитация сексуальных чувств делают их идеальными телами для наслаждения теми, кто по каким-то причинам «брезгает» человеком. Роботы становятся свидетельством общего процветания культуры изнасилования. Робот-проститутка является адаптированной к совре-

менности вариацией пассивного тела-жертвы, представленного конструкцией машины. Она могла бы полностью соответствовать запросам либертена: ее функционирование безупречно, а потенциал генерации наслаждения повышается из года в год. На это направлены огромные финансовые ресурсы индустрии секстеха.

Вместе с тем необходимо обратить внимание и на усложнение типов человеческих отношений с цифровым эрзацем сексуальных партнеров. Они могут погружаться в ауру преодоления препятствий, сопрягаясь с определенным нормированием действий и деонтологическими требованиями. Упрощенные отношения между техническим устройством и человеком уже не устраивают взыскательного потребителя. В этой связи читаем: «Последние виртуальные подруги “Love Plus” требуют, чтобы игроки целовали их сквозь сенсорный экран своих портативных игровых устройств Nintendo, или просят их говорить сто раз “Я тебя люблю” в микрофон устройства» (Любовь к роботу — реальность: Электронный ресурс).

Деонтологические требования, заложенные в программное обеспечение, имитируют многообразие психологических нюансов любовных отношений, осуществляющихся между людьми. Они же фиксируют потребность в контроле над самой ускользающей областью человеческих отношений в программировании любви, которая должна стать ясным продуктом для использования, с возможностью его включения и выключения по желанию заказчика, усовершенствования и локализации в доступном месте.

Цифровые героини, замещающие реальных людей, при этом могут выполнять роль виртуальных эриний. Они олицетворяют угрызения совести и заставляют пользователей в сети следовать проложенным столетия назад романтическим любовным канонам.

АНТИЛЮБОВЬ И БИОТЕХНОЛОГИИ

Как уже указывалось выше, использование современной робототехники и цифровых технологий в интимной сфере является формой эскапизма, позволяющего ускользнуть от сложных перипетий любви. Однако параллельно с формами технологической квазилюбви возникают реальные психологические зависимости, отчасти напоминающие любовную зависимость к человеку.

Боствик и Буччи рассматривают случай мужчины с религиозным сознанием, который страдал от сексуальной зависимости в Интернете, разрушающей, по его мнению, брак, и которому было прописано специальное лекарство — «налтрексон» для лечения от эйфорически компульсивной и разрушительной межличностной зависимости от интернет-порнографии (Bostwick, 2008: 226–230).

Чем примечателен этот случай? Он открывает аналогичную осуществляющуюся в цифровой среде тенденцию усиления и подавления любви. Тенденцию, осуществляющуюся благодаря воздействию биотехнологий.

Цифровая среда дает возможность развития отношений, которые субъект по каким-либо причинам (например, в связи с заболеванием или психологическими особенностями) не смог построить в реальном мире. С другой стороны, в цифровой среде осуществляется модуляция любовных отношений в сторону их подавления: любовь становится контролируемым продуктом, лишь имитирующим реальные чувства. В случае развития биотехнологий мы также имеем дело с новыми тенденциями усиления и подавления, обусловленными влиянием на субъекта нового агента: лекарственного средства.

Например, речь может идти о потенциальном использовании биохимии для поддержания гармоничных связей в отношениях и профилактики их разрушения (Savulescu, 2008: 31–44), т. е. о процессе нейроусиления любви и брака. Сандерс и Дж. Савулеску отмечают: «Любовь может быть похожа на трехногую гонку между толстым высоким мужчиной и худенькой маленькой женщиной. Целевое нейроусиление может позволить мужчинам и женщинам синхронизировать и координировать свои влечения и желания, чтобы лучше работать вместе как пара» (там же: 41).

Такое описание любви связано с верой в необходимость контроля эволюционных процессов, отказа от морального императива подчинения эволюции и выбора сценария развития, который соответствует целям самого человека, его устойчивым социальным структурам (семьям). Речь также идет об адаптации сложившейся эволюционно сферы чувств к современной среде, которая существенным образом отличается от среды предков, осуществляя химические и биологические манипуляции с эмоциями человека, «позволяя человеческому желанию влиять на лежащую в его основании биологию» (там же).

Диапазон биотехнологического усиления любви достаточно широк, включая как использование фармацевтических препаратов, так и применение достижений генетики для подбора желанного партнера. Обрисовывая перспективу биотехнологического контроля любви, Л. Янг замечает: «Возможно, однажды станут доступны генетические тесты на пригодность потенциальных партнеров, результаты которых могут сопровождать и даже преодолевать наши инстинкты при выборе идеального партнера... совсем скоро недобросовестный поклонник сможет подмешивать фармацевтическое “приворотное зелье” в наш напиток. А если бы они это сделали, разве нам было бы все равно? В конце концов, любовь — это безумие» (Young, 2009: 148).

Биотехнологическая «магия» отсылает к уже существовавшим когда-то моделям контроля человеческих отношений с помощью народной магии, «приворотам», «отворотам» и прочим техникам, переходящим из поколения в поколение, — тем привычным манипуляциям, которые также пытались объективировать интимную сферу, превращая ее в контролируемый объект.

Спектр применения средств подавления любовно-сексуальных аддикций очень широкий. Он затрагивает межличностные отношения, однако также может иметь отношение к религиозным ценностям и нормам, где чрезвычайно остро стоит проблема контроля сексуальности. Например, обсуждаемой проблемой является назначение психиатрических препаратов с целью подавления сексуальных инстинктов у представителей религиозных сообществ.

Манипуляции с психобиологическим основанием любви могут также включать подавление чувства любовной зависимости у жертв домашнего насилия, неспособных уйти от своих партнеров из-за сильной эмоциональной привязанности (подобных стокгольмскому синдрому) или быть связаны с рядом других состояний, например таких, как вуайеризм или педофилия.

Используемые средства вмешательства сильно варьируются в зависимости от наличия того или иного состояния и его выраженности, но при этом отталкиваются от общего представления о патологическом характере чрезмерного проявления любовных чувств, их навязчивых, мешающих жизни зарождающихся любовных отношений. Существуют исследования, сравнивающие любовь с обсессивно-ком-

пульсивным расстройством, для которого, как для любовного чувства, характерны навязчивое мышление и озабоченность мельчайшими деталями (Alteration of the platelet ... , 1999: 741–745).

Крайние, нежелательные проявления сексуальности не только вызывают вопрос о подборе соответствующей терапии (активно дискутируется проблема лечения любовной аддикции по аналогии с тем, как лечат наркотическую зависимость ввиду схожести психофизиологических реакций, связанных с этими феноменами), но и формируют задачу относительно субъекта вмешательства в интимную сферу человека. Кто будет проводить интервенцию против любви? (If I Could Just ... , 2013: 11).

При такой постановке вопроса фиксируется ситуация патерналистского принуждения, существенно ограничивающая свободу субъекта (например, когда жертва любовной аддикции не осознает своего состояния и не готова к самостоятельному разрыву отношений, как, к примеру, зачастую происходит с жертвами домашнего насилия).

В то же время это проявление мягкого, или слабого, патернализма, поскольку речь идет об осуществлении действий в интересах человека в ситуации, когда его способность принимать решения ограничена (там же). При этом придется доказывать ограниченную дееспособность человека.

Таким образом, развитие технологий против любви поднимает огромное количество нерешенных вопросов, требующих тщательной проработки и имеющих долгосрочные социальные последствия.

В контексте биотехнологического усиления любви любовь все чаще понимается как нейрохимический и поведенческий феномен, развитие которого тесно связано с достижением репродуктивного успеха человека. Медикализация сферы любовных отношений вызывает необходимость проведения четких дистинкций между ее приемлемыми и неприемлемыми формами. При этом становится очевидным, что здесь всегда будут иметь место наличие субъективной компоненты и невозможность полной научной объективации любви. В перспективе использование объективирующего взгляда на любовные отношения способно вызвать существенную трансформацию института брака. Речь идет о понимании его не просто как союза между мужчиной и женщиной, с взаимным признанием прав и обязанностей, разделением ответственности и урегулированием отношений, но и как контракта о приемлемых формах медикализации. Следующим шагом может стать включение в брачные договорные обязательства пункта о способах контроля своего эмоционального состояния с помощью фармакологии и других форм медицинского контроля. Такой медицинский инструментарий вполне может стать существенным аспектом личного благополучия и необходимого условия достижения общественного блага. Использование фармакологических средств для сохранения семьи как ячейки общества, свидетельствуя о новом сценарии медикализации, способно трансформироваться в стандарт воспроизводства стабильных социальных отношений.

И. Паренс приводит пример, рассматриваемый в докладе «За пределами терапии» Президентского комитета США по биоэтике. Предлагается представить себе молодого человека на вечеринке, который находится под влиянием наркотиков и начинает разговор с незнакомой женщиной. Он признается ей в любви и говорит, что хочет на ней жениться (Parens, 2011: 8). Этот случай вызывает вопрос о том, ка-

кое значение имеет тот факт, что чувства мужчины вызваны применением наркотического вещества, а не самой женщиной.

Позиция Совета по биоэтике использует аргумент от подлинности, показывая неполноту эмоций, вызванных наркотиками. Эти эмоции не предполагают знания, ответственности и заботы о любимом человеке, поэтому они неполноценны и не должны одобряться сообществом.

И. Паренс показывает, что могут быть и аналогичные случаи, связанные, в частности, с ситуацией употребления лекарственных средств для обеспечения стабильности в браке. Например, женщина может принять препарат, позволяющей ей оставаться спокойной при изменах мужа.

Сходство обоих случаев проявляется в том, что применяемые препараты не способствуют взаимодействию с миром, но наоборот, отдаляют соответствующие стороны от мира как он есть (там же: 8), порождая искусственные отношения, конституированные фармакологическим влиянием.

С другой стороны, более сложными являются случаи использования фармакологических препаратов с целью поддержки уже имеющихся семейных отношений. Здесь возникает рефлексия об используемых средствах: человек и общество в целом могут отдать предпочтение менее затратным по времени и стоимости средствам для достижения своих социальных целей — в данном случае достижения гармонии в браке.

Такое решение отражает проблему использования фармацевтических препаратов в нетерапевтических целях. Здесь происходит процесс трансформации инструментального отношения человека к собственному телу, которое задавалось социокультурным аспектом жизнедеятельности. Достижение хороших отношений столетиями рассматривалось как результат человеческих усилий, его интенций и регуляции собственных телесных импульсов, контроля природы человека. Фармакологические средства замещают традиционные «техники тела». В результате «техники тела» как «результат внешнего социокультурного преобразования биологического субстрата (телесности) постепенно трансформируются в техники тела как результат симбиоза жизни и технологии» (Попова, 2017: 59). Однако результат этого взаимодействия может выйти далеко за границы частной жизни, формируя новый формат социальных отношений, своеобразный любовный треугольник, где в качестве третьего будет выступать лекарственное средство, медицинская технология или подобный инструментарий, позволяющий добиться баланса в любви, тонкой социальной (и в равной степени фармакологической) «гармонии».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы обсуждение проблем технологического вмешательства в интимную сферу человека становится предметом бурных дискуссий специалистов самых разных дисциплинарных направлений.

Связанный с развитием технологий кризис социальности, появление новых форм гендерной идентичности и формирование психологических предпосылок для поведенческого эскапизма, способствующего отчуждению человека от реального мира, и в целом появление новых зон уязвимости и социогуманитарных рисков все чаще вызывают интерес у гуманитариев.

В статье были рассмотрены тенденции влияния современных цифровых технологий и воздействия биомедицины на трансформацию интимной сферы человека,

формирование новых форм социальных отношений и прецедента модуляции сферы чувств. Так, влияние цифровых технологий на интимную жизнь человека можно рассматривать не только в контексте обсуждения воображаемых казусов из художественной литературы, киноиндустрии, перформансов современного искусства², но также и при рассмотрении сформировавшихся тенденций современного рынка сексуальных услуг, где партнером человека в области интимных отношений становится технологическое устройство (гуманоидный робот), виртуальный персонаж или программа.

Палитра отношений между человеком и технологическим артефактом становится все более многогранной, уподобляясь реальным человеческим отношениям. Можно сказать, что выстраивание отношений с технологическим артефактом укладывается в сложившуюся исторически готовую «формулу» любви, с характерным для него специфическим способом выражения чувств и субъективными переживаниями. Любовь с виртуальными подругами или женитьба на поющей голограмме, где просматриваются ростки новой технодеонтологии, скорее всего обусловлена не столько потребностью в новых формах интимных отношений, сколько в неустрашимости влияния традиционного архетипа любви с характерной для нее магией, игрой воображения, соблюдением дистанции и недоступностью объекта любви.

Все эти качества, исчезающие в реальных отношениях, зарождаются во взаимодействии человека с технологическим артефактом.

В то же время выстроенная людьми сфера интимности подвергается упрощению. Такие широко распространенные феномены, как доведенная до автоматизма система быстрых свиданий или краткосрочные отношения без обязательств, бесконечная смена партнеров и развитие культуры асексуальности, характеризуют облик современной эпохи, где эмоциональная глубина проживания события любви уступает место поверхностным автоматическим молниеносным контактам или тотальному бегству от любых социальных отношений.

Здесь возникает вопрос о том, имеем ли мы право вмешиваться в ход развития типичных и атипичных видов любви, видов, отклоняющихся от нормы?

На примере возможностей применения биомедицинских технологий антилюбви было показано, что такого рода интервенция зачастую является обоснованной. В особенности, когда речь идет об актах, несущих угрозу насилия над личностью или оскорбления его человеческого достоинства: здесь достаточно упомянуть о феноменах педофилии или семейного насилия, когда жертва не может разорвать эмоциональную связь со своим партнером.

Кроме того, чрезвычайно острым становится вопрос о границах эксплуатации человеческого образа в секстехиндустрии. Речь при этом идет не только о воспроизведении в гуманоидных роботах сексуализированных образов взрослых людей, но и о возможностях появления недопустимой эксплуатации детских образов в этой сфере услуг. Вопрос об ответственности за этически сомнительные практики использования робототехники требует серьезного безотлагательного обсуждения.

В статье было показано, что в современной ситуации формируется новый контролируемый формат интимной сферы человека. Любовь и сексуальные отношения конструируются в качестве артефакта, продукта, который можно создать (сымитировать, подстраиваясь под существующие потребности выражения люб-

ви) и которым можно успешно управлять в случае появления негативных эффектов.

Такая любовь больше не является непознаваемой «вещью-в-себе». Это не эфемерный и возвышенный феномен, но рациональное спланированное событие. В ауре такой любви ее героем является не подверженный неустойчивым непредсказуемым чувствам человек, но программное обеспечение, воплощенное в гуманоподобном роботе или персонаже виртуальной любви.

Характерные для современности взаимопереплетенные тенденции механизации человека к гуманизации цифровой среды и робототехники способствуют трансформации форм социального устройства. Появляются возможности создания новых форм семьи и родительства, где одним из членов становится технологический артефакт. Провокационные попытки создания семьи с идеально подогнанными под свои предпочтения роботами, программами, голограммами, компьютерными персонажами являются одним из актуальных технологических рецептов, которые направлены на помощь в спасении от одиночества.

Интимно-технологическое переопределение любви сопровождается развитием и подчинением новым формам деонтологии с характерными для нее нормативными требованиями, заложенными в техническое устройство.

Цифровые деонтологические требования активно взаимодействуют с новыми биомедицинскими императивами. Формула «выпей таблетку и контролируй свое влечение» или «нажми на мышку и займись любовью, не отходя от компьютера» представляет как новые формы медиализации и цифровизации интимных отношений, так и феномен особого «сжатия» социальности с характерной для него редукцией сложных форм человеческих отношений и вытеснением из сферы человеческого поведения непредсказуемого и случайного.

И сложная цифровая любовь, и биомедицинские способы усиления и уменьшения любви (применение технологий антилюбви) направлены на формирование абсолютно предсказуемого и управляемого формата чувств. Компактного и удобного для сверхзанятых людей, позволяющего им не отходить от привычного рабочего места — компьютера. В цифровом пространстве происходит автоматическое объединение энергии сексуальности и процесса труда, генерации наслаждения и увеличения КПД. Здесь императивы увеличения производительности труда и контроля интимно-эмоциональной сферы дополняют и усиливают друг друга.

Формы цифровой любви, развиваемые в человеческом обществе, использование различных видов биомедицинских вмешательств с целью контроля сферы интимных отношений не являются типичными феноменами для нашего видового самопонимания и сквозь жесткую этико-медицинскую оптику нормального и патологического могут рассматриваться как отклонения, требующие медицинского вмешательства. Вместе с тем подобно тому, как генетики или нейробиологи при объяснении различных состояний все больше отказываются от модели видовой типичности, которая стремится обнаружить типичное функционирование, и переходят к модели индивидуальных различий с характерным для нее понятием «размерности», а не «категоричности» (Parens, 2011: 4), оценка многочисленных вариаций любовного опыта в современных гуманитарных дискурсах также не может быть однозначной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Апатия либертена, его бесчувственность являются инструментом интенсификации удовольствия. Например, об этом идет речь в высказываниях Дольмонсе в «Философии в будуаре» (1795). Глубокий анализ феномена апатии в философии де Сада осуществил М. Энафф в работе «Маркиз де Сад. Изобретение тела либертена» (Энафф, 2005).

² Из работ последних лет в этой связи хотелось бы обратить внимание на романы В. Пелевина «Snuff» и «IPhuck 10», нашумевший фильм «Она», огромное количество документальных фильмов, спектаклей и тематизацию данной проблематики на научно-популярных площадках и в интернет-блогах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян, Р. Г. (2005) Идеал романтической любви в «постромантическую эпоху» // Этическая мысль. Вып. 6. М. : ИФ РАН. С. 202–218.

Большц, Н. (2011) Азбука медиа. М. : Европа. 136 с.

Гидденс, Э. (2004) Трансформация интимности. СПб. : Питер. 208 с.

Жижек, С. Садист как объект [Электронный ресурс] // J. Lacan. URL: http://lacan.parod.ru/ind_lak/ziz14.htm (дата обращения: 05.03.2022).

Кон, И. С. Сексуальность в эпоху интернета и биотехнологий. [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: http://nvo.ng.ru/science/2005-02-09/11_sexual.html (дата обращения: 05.03.2022).

Лакан, Ж. (2006) Этика психоанализа (Семинары: Книга VII (1959–60)) / пер. с фр. А. Черноглазова. М. : Гнозис, Логос. 416 с.

Любовь к роботу — реальность? [Электронный ресурс] // ИА Инфониак. URL: <http://https://www.infoniac.ru/news/www.innovationnewsdaily.com.html> (дата обращения: 08.07.2022).

Мерло-Понти, М. (1999) Феноменология восприятия / пер. с фр. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб. : Ювента, Наука. 602 с.

Попова, О. В. (2012) Современная технократическая утопия: российский контекст // Человек. № 5. С. 54–62.

Попова, О. В. (2017) Интимные технологии и кризис социальности // Человек. № 1. С. 138–152.

Сад, Д. А. Ф. де (1992) Философия в будуаре / пер. с фр. И. Карабутенко. М. : Проминформо. 223 с.

Счастливый брак с куклой. Зачем японцы женятся на аниме-голограммах? [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-49411075> (дата обращения: 06.06.2022).

Энафф, М. (2005) Маркиз де Сад. Изобретение тела либертена. СПб. : Гуманитарная академия. 447 с.

Alteration of the platelet serotonin transporter in romantic love (1999) / D. Marazziti, H. S. Aksiskal, A. Rossi, G. B. Cassano // Psychological Medicine. Vol. 29. P. 741–745.

Bostwick, M. and Bucci, J. A. (2008) Internet sex addiction treated with naltrexone // Mayo Clinic Proceedings. No 83 (2). P. 226–230.

Est R., van. (2014) Intimate technology: The battle for our body and behavior. The Hague : Rathenau Instituut. 83 p.

Flusser, V. (1998) Vom Projizieren // Vom Subjekt zum Projekt. Menschwerdung. Frankfurt am Main : Fischer-Taschenbuch-Verlag. 284 s.

If I Could Just Stop Loving You: Anti-Love Biotechnology and the Ethics of a Chemical Breakup (2013) / B. D. Earp, O. A. Wudarczyk, A. Sandberg and J. Savulescu // American Journal of Bioethics. № 13 (11). P. 3–17.

Hayles, N. K. (1999) How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. Chicago ; L. 364 p.

- Parens, E. (2011) On Good and Bad Forms of Medicalization // *Bioethics*. Vol 27. №1. P. 28–35.
- Plant, S. (1997) Zeros and Ones. *Digital Women and the New Technoculture*. London : Fourth Estate. 305 p.
- Savulescu, J. and Sandberg, A. (2012) Love machine: Engineering lifelong romance // *New Scientist*. №214 (2864). P. 28–29.
- Savulescu, J. and Sandberg, A. (2008) Neuroenhancement of love and marriage: The chemicals between us // *Neuroethics*. №1. P. 31–44.
- Turkle, S. (1995) *Life on the Screen*. New York : Simon and Schuster. 347 p.
- Young, L. J. (2009) Being human: Love: Neuroscience reveals all // *Nature*. №457 (7226). P. 148.

Дата поступления: 17.08.2022 г.

TECHNOLOGICAL COLONIZATION OF INTIMACY:
FROM LOVE TO TECHNOLOGY TO ANTI-LOVE BIOMEDICAL TECHNOLOGIES

O. V. POPOVA
RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

The article considers the process of transformation of the emotional sphere of a person and gender relations in the context of the development of digital and biomedical technologies. It is shown that the modern turn to “digital intimacy” implements the Cartesian project of a man-machine, perceived and enhanced in the Enlightenment. She also captures the process of extreme alienation and distancing from physicality, grotesquely bringing the heroes of virtual reality closer to the images of “incorporeal” lyrical heroes, which demonstrates the entry into the post-corporeal era.

The hypothesis of the study was the assertion that digital reality, being a kind of escapism, is an anti-love technology that allows the subject to avoid the destructive consequences of love and various forms that represent the complexity of gender relations. It is shown that this technology has its correlate in the field of biomedicine, where anti-love technology is demanded by deviant manifestations of feelings that cause pathological love addiction, allowing for the modulation of love relationships.

The spread of the influence of medicalization and digitalization on the intimate sphere of a person causes a gradual transformation of the sphere of feelings into a constructed object with specified properties.

Keywords: intimacy transformation; digital intimacy; intimate technologies; sexuality; love; human corporality

REFERENCES

- Apresjan, R. G. (2005) Ideal romanticheskoy ljubvi v «postromanticheskuyu jepohu». *Jeticheskaja mysl'*. Iss. 6. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Pp. 201–218. (In Russ.).
- Bol'c, N. (2011) *Azbuka media*. Moscow, Evropa. 136 p. (In Russ.)
- Giddens, Je. (2004) *Transformacija intimnosti* / transl. from English. St. Petersburg, Piter. 208 p. (In Russ.).
- Zhizhek, S. Sadist kak ob#ekt. [online] *J. Lacan*. Available at: http://lacan.narod.ru/ind_lak/ziz14.htm (accessed: 05.03.2022). (In Russ.).
- Kon, I. S. Seksual'nost' v jepohu interneta i biotehnologij [online] *Nezavisimaya gazeta*. Available at: http://nvo.ng.ru/science/2005-02-09/11_sexual.html (accessed: 05.03.2022). (In Russ.).
- Lacan, Zh. (2006) *Etika psichboanaliza (Seminary: Kniga VII (1959–60))* / transl. by A. Chernoglazov. Moscow : Gnozis, Logos. 416 p. (In Russ.).
- Ljubov' k robotu-real'nost'? [online] *Ia Infoniak*. Available at: [http:// https://www.infoniac.ru/news/www.innovationnewsdaily.com.html](http://https://www.infoniac.ru/news/www.innovationnewsdaily.com.html) (accessed: 08.07.2022). (In Russ.).

- Merlo-Ponti, M. (1999) *Fenomenologija vosprijatija* / transl. from French by I. S. Vdovina and S. L. Fokin. St. Petersburg, Juventa, Nauka. 605 p. (In Russ.).
- Popova, O. V. (2012) Sovremennaja tehnokraticeskaja utopija: rossijskij kontekst. *Chelovek*, no. 5, pp. 54–62. (In Russ.).
- Popova, O. V. (2017) Intimnye tehnologii i krizis social'nosti. *Chelovek*, no. 1, pp. 138–152. (In Russ.).
- Sad, D. A. F. de (1992) *Filosofiya v buduare* / transl. from French by I. Karabutenko. Moscow, Prominformo. 223 p. (In Russ.).
- Seks budushego: umnye masturbatory, roboty-ljubovniki i virtual'noe porno [online] *BBC*. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-45477790> (accessed: 17.06.2022). (In Russ.).
- Schastlivyj brak s kukloj. Zachem japonscy zhenjatsja na anime-gologrammah? [online] *BBC*. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-49411075> (accessed: 06.06.2022). (In Russ.).
- Jenaff, M. Markiz de Sad. *Izobretenie tela libertena*. St. Petersburg, Gumanitarnaja akademija, 2005. 447 p. (In Russ.).
- Alteration of the platelet serotonin transporter in romantic love (1999) / D. Marazziti, H. S. Akiskal, A. Rossi, G. B. Cassano. *Psychological Medicine*, vol. 29, pp. 741–745.
- Bostwick, M. and Bucci, J. A. (2008) Internet sex addiction treated with naltrexone. *Mayo Clinic Proceedings*, no. 83 (2), pp. 226–230.
- Est R., van (2014) *Intimate technology: The battle for our body and behavior*. The Hague : Rathenau Instituut. 86 p.
- Flusser, V. (1998) *Vom Projizieren / Vom Subjekt zum Projekt. Menschwerdung*. Frankfurt am Main : Fischer-Taschenbuch-Verlag. 284 p.
- If I Could Just Stop Loving You: Anti-Love Biotechnology and the Ethics of a Chemical Breakup (2013) / B. Earp, O. A. Wudarczyk, A. Sandberg and J. Savulescu. *American Journal of Bioethics*, no. 13 (11), pp. 3–17.
- Hayles, N. K. (1999) *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago : University of Chicago Press Journals. 364 p.
- Parens, E. (2011) On Good and Bad Forms of Medicalization. *Bioethics*, vol. 27, no 1, pp. 28–35.
- Plant, S. (1997) *Zeros and Ones. Digital Women and the New Technoculture*. London : Fourth Estate. 305 p.
- Savulescu, J. and Sandberg, A. (2012) Love machine: Engineering lifelong romance. *New Scientist*, no. 214 (2864), pp. 28–29.
- Savulescu, J. and Sandberg, A. (2008) Neuroenhancement of love and marriage: The chemicals between us. *Neuroethics*, no. 1, pp. 31–44.
- Turkle, S. (1995) *Life on the Screen*. New York: Simon and Schuster. 352 p.
- Young, L. J. (2009) Love: Neuroscience reveals all. *Nature*, no. 457 (7226), p. 148.

Submission date: 17.08.2022.

Попова Ольга Владимировна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-90-67. Эл. адрес: J-9101980@yandex.ru

Popova Olga Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Head, Sector of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-90-67. E-mail: J-9101980@yandex.ru